

Поэтому считаем ее мнение необоснованным». Упрек, предъявленный С. В. Калачевой со стороны автора статьи, в том, что она «не учла всех данных, подтверждающих авторство Кантемира», можно отнести к самому Э. И. Гершковичу, который обошел спорные вопросы, заставляющие сомневаться в принадлежности сатиры «К Солнцу» перу Кантемира. И прежде всего это касается вопроса, как мог Кантемир, находившийся в Лондоне, еще в июле узнать о событии, происшедшем в Петербурге 15 июля, и ответить на него сатирой.

Приходится поэтому более подробно остановиться на деле о казни Возницына. Сожжение двух человек во второй трети XVIII века было необычным событием в Европе, и вполне вероятно, что о нем обязательно сообщили бы Кантемиру его петербургские корреспонденты как одну из новостей. И пусть не через две недели, а позже до него дошло бы это известие. Но, во-первых, создатель сатиры «К Солнцу» очень точен, когда дело касается датировки: если он говорит «в середине июля», то это значит 15 июля; следовательно, можно с безусловностью утверждать, что сатира написана именно в последних числах июля, а не позже. Совершенно очевидно, что за один-два дня Кантемир не мог написать сатиру, а узнать о казни Возницына через две недели после этого события он мог лишь при самых благоприятных условиях, допустить которые было бы большой натяжкой. Скорее всего Кантемир вообще не знал о казни, потому что среди его писем нет намеков на это; не сообщалось о казни и в петербургских газетах на русском и немецком языках, нет упоминаний о ней и в донесениях английских представителей при русском дворе. Как видно, русское правительство не было заинтересовано в широкой огласке данного дела. Это подтверждается ходом следствия. Сенат пытался доказать императрице необходимость продолжения следствия с тем, чтобы выявить сообщников Б. Лейбова, который обратил в иудейскую веру капитана А. Возницына. Однако Анна Иоанновна требовала как можно скорее закончить следствие, «дабы сие богопротивное дело далее не продолжалось, . . . без дальнего продолжения, по силе государственных прав, обоих казнить смертию, сжечь».¹⁶

Комментируя это место, И. Ю. Маркон¹⁷ объясняет и причину внезапного прекращения розыска. В ходе следствия выяснилось, что подсудимый Б. Лейбов был непосредственно подчинен Л. Липману, придворному банкиру Бирона; старый Лейбов мог не выдержать пыток и рассказать о коммерческих проделках своих хозяев. Надо полагать, что были приняты соответствующие меры,

¹⁶ И. Ю. Маркон. Дело о сожжении отставного морского флота капитана поручика Возницына за отпадение в еврейскую веру и Б. Лейбова за соращение его. Сб. «Пережитое», т. 2, СПб., 1910. Приложение, стр. 8.

¹⁷ Там же.